

века была Раиса Алексеевна, человек светлый, добрый, всегда готовый прийти на помощь. От души поздравляю ее с юбилеем и желаю здоровья и всего наилучшего.

Доцент Е. А. Пономарева

Я помню свой приход в архив консерватории в первые дни Вашей работы. Пришла унылой, понимая, что нужные материалы получу далеко не сразу, кое-какие из них вряд ли найдутся, и азарт архивного исследования будет таять на глазах. И — о чудо! — я тут же получила решительно всё, назавтра всё было скопировано и мне передано в руки. Струна взаимопонимания натянулась, зазвучала и вибрировала все годы нашего сотрудничества. Вы нам щедро предоставляли материалы. Мало того, Вы сами разыскивали свидетельства и следы консерваторской жизни выдающихся музыкантов далекого и близкого прошлого. Вы своими коллегиальными связями прокладывали нам кратчайшие пути-дороги к документам в других петербургских архивах. Быть Вашим подопечным — большая радость! Такое сотрудничество не забыть — оно не меркнет. Поздравляю Вас, дорогая Раиса Алексеевна, с замечательным днем рождения! Пусть хорошее и доброе сопутствует Вам в каждодневности! Будьте здоровы и полны энергии! Присоединяюсь к тем, кто преданно и благодарно Вас обнимает,

*Заслуженный деятель искусств России,
доктор искусствоведения, профессор Л. Г. Ковнацкая*

Sergey SLONIMSKY One has to be absolutely independent and free

Extracts from the interview with the composer, the People's Artist of Russia and Professor at the St. Petersburg Conservatory Sergey Slonimsky that was conducted in late December 2017.

Keywords: S. M. Slonimsky, M. P. Mussorgsky, music of the XX century, minimalism, avant-garde music, tradition, the Leningrad (St. Petersburg) Conservatory.

Сергей СЛОНИМСКИЙ Быть абсолютно независимым и свободным

Фрагменты беседы с композитором, Народным артистом России, профессором Санкт-Петербургской консерватории Сергеем Михайловичем Слонимским, которая состоялась в конце декабря 2017 года.

Ключевые слова: С. М. Слонимский, М. П. Мусоргский, музыка XX века, минимализм, авангард, традиция, Ленинградская — Санкт-Петербургская консерватория.

Сергей Михайлович Слонимский — композитор, чья музыка не только уже многократно прошла проверку временем, но и заняла прочное место на разных «этажах» отечественной музыкальной жизни: от филармонической сцены до детских музыкальных школ. В 2017 году нашему выдающемуся современнику исполнилось 85 лет. Но для такого художника, как Слонимский, это отнюдь не возраст подведения итогов: он по-прежнему поражает поистине молодой энергией и активностью — как творческой, так и музыкально-общественной. Регулярно проходят премьеры его новых сочинений, успешно воплощаются в жизнь его идеи по возвращению в звучащее пространство Петербурга несправедливо забытой музыки ленинградских композиторов — эта многолетняя подвижническая деятельность Сергея Михайловича вызывает самое глубокое и искреннее уважение. В 2017 году С. М. Слонимский начал читать в консерватории разработанный им лекционный курс «Мелодика» — междисциплинарный, рассчитанный на студентов всех специальностей. Сергей Михайлович — замечательный оратор и собеседник, известный своей бескомпромиссной позицией по различным дискуссионным вопросам музыкальной жизни. Эти качества ярко проявились и в беседе, состоявшейся в редакции в конце декабря юбилейного для Сергея Михайловича года. Фрагменты беседы мы предлагаем вниманию читателей.

Владимир Горячих. *Сергей Михайлович, начну с вопроса, быть может, неожиданного. За последние полвека, пожалуй, впервые сложилась ситуация, когда выросшее из серьезной, академической музыки направление — имею в виду минимализм — фактически захватило все музыкальное пространство: минималистская музыка звучит не только с филармонической эстрады, но и в кино (включая самые кассовые голливудские фильмы и сериалы с многомиллионной аудиторией), в драматическом театре, компьютерных играх и даже в рекламе. Стилистика минимализма проникла во многие направления неакадемической музыки, в том числе новейшие, ориентированные на «продвинутую» молодежь. С одной стороны, можно этому радоваться: наконец-то между массовой аудиторией и серьезной музыкой преодолен разрыв, о котором так долго говорили и писали. С другой — не произошла ли своего рода подмена, несущая в себе новую опасность?*

Сергей Слонимский. Авангард, которому более 50 лет, — это уже слишком! Застой в музыкальном языке в течение такого длительного времени губителен. Тоталитарное воздействие мини-музыки (как я ее называю) — хотя в ней есть свои талантливые представители — опасно: как монополярное, агрессивное направление она выдавливает сложную мелодику, сложный тематизм. В итоге наиболее востребованными, «кассовыми» считаются Вивальди и Пьяццолла, а не Моцарт и Лютославский. Многие крупные композиторы даже побаиваются этого диктата, стараются как-то приспособиться к мини-музыке.

Однажды, в 1975 году, я был вместе с Альфредом Гарриевичем Шнитке на концерте в Малом зале Ленинградской филармонии. Исполнялась скрипичная партия одного его молодого московского коллеги. После 10 минут звучания обыкновенного трезвучия я не выдержал: «Альфред, это же чистое шарлатанство!» Альфред побледнел: «Тише, тише! Он услышит... и его жена не будет играть мое сочинение». Я уже тогда понимал, что этих людей нельзя критиковать, как нас.

Нового в такой музыке не очень много: остиность была и в Средние века, и в эпоху Барокко, и в XX веке — например, у Орфа (хотя его музыка — это уже реакция на авангард). Пярт — безусловно, талантливый композитор, а *Tabula rasa* — яркое сочинение, но манера Пярта в значительной степени обедняет модальную систему средневековой музыки, даже фальсифицирует ее — и ладовую, и ритмическую сторону. Гурецкий начинал, подобно Пярту, как авангардист, а потом пришел к мини-музыке. Я говорю о композиторах талантливых. Десятки и сотни эпигонов даже внимания не заслуживают: их музыка иногда состоит буквально из одной ноты + элементы инструментровки (способы игры и тембры). На струнных инструментах играют, как на ударных, на ударных — как на струнных и т.д. Мерилом прогрессивности сейчас выступает инструментоведение и зву-

коизвлечение. Тембр гораздо легче воспринимается, он существовал еще до возникновения самой музыки, от сотворения мира. Тембры различал еще какой-нибудь древний звероящер, а мелодии различать может только *homo sapiens*, эмоционально и интеллектуально развитый.

Но, говоря о минимализме, нельзя обойти вопрос и об ответственности академической музыки (второго авангарда): не является ли все это реакцией на ее избыточную сложность? Утеря мелоса как основы образа, которая произошла у большинства ее представителей, с моей точки зрения, и расчистила путь для мини-музыки.

В. Г. *Продолжая тему нашей музыкальной действительности. В последние годы возникла такая практика: симфонические оркестры, иногда достаточно известные, стали аккомпанировать разнообразным артистам — от поп- и рок-певцов до исполнителей так называемого «русского шансона». Это, на мой взгляд, обесценивание звучания симфонического оркестра — не отражение ли общей тенденции к девальвации высокого?*

С. С. Считаю, что в подобных ситуациях все зависит от позиции главного дирижера. Например, Юрий Симонов никогда такого не допустит, Юрий Темирканов отличает шоу-бизнес от искусства. Главный дирижер, как и педагоги по специальности в консерватории, должен заниматься воспитанием этической и эстетической позиций молодых музыкантов, ведь их вкусы далеко не всегда отличаются твердостью. Но твердость вообще должна быть — во всем. Такой твердостью обладал, например, альтист Юрий Маркович Крамаров, работавший концертмейстером в Заслуженном коллективе Республики. Однажды он не согласился с каким-то замечанием дирижера — встал и ушел. И в оркестр больше не вернулся.

Возвращаясь к вашему вопросу... На наших глазах произошла катастрофа — крайнее одичание вкусов массовой аудитории, их примитивизация. Всерьез произносится, что «Человеком года» в российской культуре является Шнуров (с его песенками на одну-две ноты и пару аккордов)!

В. Г. *Да, и не один раз, а несколько. В последний раз он обошел даже Дмитрия Хворостовского¹...*

С. С. В кругу моих знакомых культурное влияние Шнурова равно нулю. Совпадение вкусов и оппозиционных, и государственных СМИ показательно: служение не Богу, а маммоне. Вся эта ситуация была пророчески предсказана очень давно, еще Мусоргским. 18 марта 1875 года он написал письмо Арсению Голенищеву-Кутузову о посещении представления оперетты Оффенбаха. Начинается рассказ добродушно: Мусоргский пишет об исполнении главной роли, о том, что ему понравилась художественная сторона, которую одобрил и «дедушка Петров». Но дальше идет фрагмент, который у нас не любят цитировать: «Если не произойдет громкого переворота в складе европейской жизни, буфф вступит в легальную связь с канканом и задушит

¹ С. Шнуров побеждал в номинации «Человек года» (по версии журнала GQ) в 2003, 2007 и 2016 году (примеч. В. В. Горячих).

Быть абсолютно независимым и свободным

нас остальных. Способ легкой наживы и, конечно, столь же легкого разорения (биржа) очень родственно уживается с способом легкого сочинительства (буфф) и легкого разврата (канкан). Наша аудитория — это последние из могикан. Но, боже мой, как всем скучно! Как бесчеловечно переполнены все каким-то мертвящим, удушающим газом! Казарменный лазарет, громадный плот с жертвами океанического крушения, мрачными, алчными, пугающимися за каждый кусок, отправленный в желудок с общей трапезы. Бездушное, формальное шатание (надо ж двигаться)! — Господи, сколько жертв, сколько болей поглощает эта чудовищная акула — цивилизация! После нас хоть потоп... страшно!

Вот тащимый мною запас впечатлений от буффной публики: биржа + канкан, по преимуществу; ах, какие лица, какие ужасные человеческие оболочки! Не знаю, что хуже обезображивает: гашиш, опий, водка или алчность к денежной наживе?»

В. Г. Совершенно апокалиптическая картина...

С. С. Гениальное пророческое письмо! Как будто сегодня написано. Если к этому добавить, что на главных телевизионных каналах фактически запрещена классическая музыка, по радио классика тоже не звучит... В литературе — то же самое, гибель прозы: нельзя же читать всерьез Пелевина! Общий кризис искусства, который отражает кризис общества.

В то же время Большой и Малый залы филармонии на концертах классической музыки полны, но их посетители хитроумно не учитываются составителями всевозможных рейтингов — теми, кого Мусоргский называл «биржевиками». Это далеко не малочисленная аудитория не принимается в расчет, она считается невлиятельной частью народа. Власть имущие верят, что массам нужна жвачка: серьезная музыка подменяется, например, массовыми песнями (как в 1948 году). Эту ошибку власть совершает не в первый раз, под видом патриотизма воспитывая довольно циничных людей, которые не имеют настоящего вкуса, эстетических, философских, религиозных взглядов. Спекуляция на неразвитости массового вкуса приводит к таким явлениям, как 1948 год: противопоставлению Ковалея и Захарова Шостаковичу в пользу первых.

К счастью, повальное одичание вкусов в такой степени не затронуло еще юных музыкантов. У нас много очень талантливых детей, на которых обращают мало внимания или вообще не замечают. Но надо признать, что и рейтинги, и сложившаяся ситуация оказывают на начинающих музыкантов, их вкусы определенное влияние. Нам нужен хотя бы раз в неделю — на том же телевидении — «Час души», где показывали бы талантливых детей, которые играют музыку, сочиняют, занимаются театром...

В. Г. В течение юбилейного года не раз встречал афиши концертов — индивидуальных и коллективных музыкальных приношений ваших учеников. По-человечески это приятно и вызывает уважение. Как складывались раньше и складываются сейчас ваши взаимоотношения с учениками?

С. С. Я ничего своим ученикам не запрещаю. Мой даровитый ученик, аспирант Иван Абрамов, тяготеет к мини-музыке — направлению, которое для него органично. Я не препятствую этому, лишь привлекаю его внимание к тем параметрам музыкальной ткани, которые ущемляются в минимализме. Иван прислушивается, отзывается и таким образом расширяет свою палитру.

Я всегда поддерживал учеников, склонных к авангарду. Это, например, Александр Радвилович, который создал первый в нашей стране настоящий фестиваль авангардной музыки. Он имеет большие заслуги перед нашей музыкой, но у него нет никаких наград. Поддерживал и поддерживаю Ирину Емельянцева, Елену Иготти, Настасью Хрущёву, Юрия Акбалькана, Михаила Крутика, Ивана Александрова. Но я очень люблю и тех своих учеников, которые склонны к традиционализму: Аркадия Томчина (моего первого ученика), Владимира Кобекина, Владимира Сапожникова. Из учеников последних лет назову Георгия Федорова, Вадима Садальского, Илью Партаса. Они больше тяготеют к Рахманинову, Прокофьеву, а я стараюсь прививать им интерес и к современности.

У меня были студенты разных национальностей, в том числе американец, исландец, иранец, македонец — всем им я усиленно советовал писать свою национальную музыку.

Творческий человек не должен никого бояться — ни критика, который может обозвать талантливого человека бездарным, назвать черное белым и наоборот, ни министра, ни директора театра. Бояться этого нельзя. Надо быть абсолютно независимым и свободным. Но и одиноким...

С. С. М. Слонимским беседовал В. В. Горячих